

**ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ
«ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ»**

В статье человечность рассматривается как категория онтологии, имеющая своей бытийственной предпосылкой положительное всеединство. Утверждается, что человечность лежит в основании человеческого бытия, именно она и продолжает порождать – в точном и буквальном смысле слова – собственно человеческое в человеке.

Ключевые слова: *человечность, человеческое бытие, сущность человека, гуманизм, онтология, всеединство, общее дело.*

У статті людяність розглядається як категорія онтології, що має за свою буттєву передумову позитивну всеєдність. Стверджується, що людяність лежить в основі людського буття, саме вона і продовжує породжувати – у точному й буквальному розумінні слова – власне людське в людині.

Ключові слова: *людяність, людське буття, сутність людини, гуманізм, онтологія, всеєдність, спільна справа.*

In the article humanity is considered as a category of ontology, having positive all-encompassing unity as its existential supposition. It is established that humanity lies in foundation of human existence, and it continues to generate – in the ordinary and figural sense of word – actually human in human.

Key words: *humanity, human existence, nature of a man, humanism, ontology, all-encompassing unity, common goal.*

Современная ситуация человека демонстрирует угрожающую эскалацию расчеловечивания. Степень бесчеловечности, наблюдаемая в контексте событий в нашей стране, зашкаливает. Поэтому нет особой нужды обосновывать *актуальность* обращения к феномену человечности как таковому.

«Человечность» обычно трактуют как категорию *этики*. Позволю себе с этим не согласиться. Каждая фундаментальная категория философии обязательно является и категорией онтологии, и гносеологии, и логики (разумеется, диалектической). В современных исследованиях «человечность» не рассматривается как категория онтологии. Поэтому *целью* статьи является раскрытие *онтологического содержания* категории «человечность».

Утрата человечности является выражением *человеческой самоутраты*. Вообще-то человеку *терять себя* весьма свойственно. Равно как и *обретать*. *Потерять* себя способно лишь такое существо, которому его природа не предзадана естественными

процессами, который обречён свою природу и сущность, самого себя постоянно *обретать собственным усилием*. Животное, в определённом смысле, счастливо изначально: оно не может себя потерять...

Буду настаивать на тезисе, что *человечность* есть то, что лежало в основании человеческого бытия, и именно она и *продолжает порождать* – в буквальном и точном смысле слова – собственно человеческое в человеке.

Киевский философ (незаслуженно забытый) В.П. Иванов происхождение человека связывает с возникновением «отношения к самому себе», становлением «самости», субъективности с ее имманентной способностью быть «для себя». Суть поворота к человеку как революции в процессе эволюции «как раз состояла в уходе внутрь, в «самость», в идеализации всех внешних проявлений жизнедеятельности. Иначе говоря, начало человека ушло в самого человека, в идеальную сферу его бытия и потому не оставило после себя заметных ископаемых следов» [4, с. 37]. Речь идёт об интериоризации в психике отдельных существ общей схемы их совокупной деятельности. А это, в свою очередь, означает, что индивид присваивает *опыт других, опыт рода* сверхбиологическим способом, прижизненно, присваивает как культуру, оказывается способным нести в себе опыт рода не в генофонде, не через природные механизмы, а совсем иначе – в сознании, *сознанием*. Собственно, последнее и означает – *со-знание, совместное знание* как моя индивидуальная способность.

Вспомним Гегеля. Для-себя-бытие является синтезом бытия-в-себе и бытия-для-другого. Значит, чтобы быть в состоянии для-себя, надо своё бытие-для-другого снять, идеализировать, о-своить, присвоить как свою способность. Освоить и присвоить *бытие других как своё собственное*. И лишь так владеть собственным индивидуальным (в смысле – неделимым) бытием. Человек начинается не с того, что свое индивидуальное бытие подчиняет родовому, коллективному, общественному, – а с того, что в своем *индивидуальном бытии начинает сразу же выступать общественным существом*, конституируя свою индивидуальность как родовую, полагая *себя и своё собственное* как родовое, то есть – собственно человеческое.

В этом пункте выразительно проступает *логика всеединства*, очень тонкая диалектика, поразительно точно схваченная Николаем Кузанским. Человек, говорит Н. Кузанский, – не есть ни Сократ, ни Платон, а в Сократе – Сократ и в Платоне – Платон. Добавлю от себя: это не значит, что *человек как таковой* является неким повторяющимся признаком, одинаковым и у Сократа, и у Платона и т.д. Всеобщее (универсальное, родовое) *конкретизируется* в каждом единичном не своей «похожестью» (повторяемостью) у многих единичных, а *именно как это, вот это единичное*. Николай из Кузы пишет: «Если человечество будешь рассматривать в виде некоего абсолютного бытия, ни с чем не смешивающегося и ни во что не конкретизируемого, и рассмотришь человека, в котором это

абсолютное человечество пребывает абсолютным образом и от которого происходит конкретное человечество отдельного человека, то абсолютное человечество будет как бы подобием Бога, а конкретное – подобием Вселенной. Как то абсолютное человечество пребывает в человеке изначально, или первично, и, значит, в порядке следствия пребывает и в каждом члене, и в каждой части, так конкретное человечество есть в глазе – глаз, а сердце – сердце и так далее, благодаря чему в каждом члене пребывает каждый другой» [5 с. 112]. Итак, «пребывающее человечество» *конкретизируется* в каждом отдельном индивиде и притом – абсолютным образом, но, как мы знаем, абсолютное не бывает без относительного, значит – конкретизируется *относительно абсолютным* образом, и от меры этой относительной абсолютности зависит *мера человечности* человека. Человечество как таковое никоим образом не является некоторой *абстракцией*, «абстрактным объектом», «конструктом»: оно предстает как *конкретное* человечество. Не абстрактное конкретизируется в отдельном («конкретном»), а конкретное (как *конкретно-всеобщее*) *конкретизируется в конкретном как отдельном, всё* – в каждом как *именно этот* «каждый».

Объективным основанием феномена человечности является логика «положительного всеединства». Всеединство представляет собой принцип совершенного единства множества, которому присущи полная взаимопроникнутость и в то же время взаимораздельность всех его элементов, – или более развернутый вариант (в исполнении С.С. Хоружего): «всеединство есть категория онтологии, обозначающая принцип внутренней формы совершенного единства множества, согласно которому все элементы такого множества тождественны между собою и тождественны целому, но в то же время не сливаются в неразличимое и сплошное единство, а образуют особый полифонический строй, «трансрациональное единство раздельности и взаимопроникнутости» [14]. Присутствие одного в другом, каждого – в каждом, всего – во всем, – именно *присутствие*, а не наличествование, оставляющее физические следы, – вот наиболее удивительное, загадочное, таинственное, непостижимое в бытии... Чистая *мистика*, и тем не менее – факт, реальность, бытийственность. Кстати, В.В. Бибихин переводит хайдеггеровское *Dasein* («вот-бытие», обозначающее способ бытия человека) именно как «*присутствие*».

Положительное всеединство, – пишет В.С. Соловьёв, – есть «простор частного бытия в единстве всеобщего» [12, с. 362]. Обратим внимание: не ограничение частного бытия, не подчинение его всеобщему, а именно – «*простор*». Причем Владимир Соловьёв полагает, что обеспечение подобного простора частного бытия в единстве всеобщего образует *идеальную сущность добра, истины и красоты*. «Достойное идеальное бытие требует одинакового простора для целого и для частей, следовательно, это не есть свобода от особенностей, а только от их исключительности. Полнота этой свободы требует, чтобы все частные элементы находили себя друг в

друге и в целом, каждое полагало себя в другом и другое в себе, ощущало в своей частности единство целого и в целом – свою частность, одним словом, абсолютную солидарность всего существующего, Бог – всё во всех» [12, с. 395-396]. «Критерий достойного или идеального бытия вообще есть наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого» [13, с. 392]. Положительное всеединство как истинное и достойное бытие, – формулирует далее Владимир Соловьев, – есть «жизнь всех друг для друга в одном» [12, с. 393].

Человек – оединиченное всеединое (С.Л. Франк). Принципиальное отличие человека от всего сущего лежит в его способности не просто *нести в себе* опыт своего рода (всеединство этого опыта), а в способности *вступить в отношение* к этому опыту. Для человека сей опыт может стать *предметным*, поскольку обретает он его прижизненно, распредмечивая культуру.

Объективное основание человечности – присутствия человечества (рода) в человеке, реальная *конкретизация всеобщего в отдельном*, что, в свою очередь, и конституирует, точнее – порождает его *особенность*. *Субъективное* основание человечности – *мера* моего ощущения, переживания и осознания этого присутствия других (человечества) во мне и, соответственно, развитость моей способности *определять* свои дела, поступки, отношения этим присутствием во мне других (человечества). Мера сформированности моей способности *само-определяться* человечеством (другими) как конкретно-всеобщим, само-определяться тем, что реально меня хранит, воспроизводит, *порождает* – как именно меня, но – как человека собственно (а не просто эмпирического индивида, особь, экземпляр) – предстаёт *мерой моей человечности*.

Об этом же речь идет у Канта. Категорический императив – во-первых: чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законодательством, то есть – поступай не как обыватель, «как все», а так, как если бы ты хотел, чтобы *все поступали*, не делай для себя исключений. И, во-вторых: поступай всегда так, чтобы человечество (как в твоем лице, так и в лице каждого другого) никоим образом не выступало *только средством*, а как цель сама по себе. Когда же «только средство», то получаем основание расчеловечивания, бесчеловечности.

Посему вполне можно согласиться с А.А. Гусейновым, утверждающим, что «бытие общественных индивидов только тогда окончательно гарантировано и в человеческом смысле совершенно, когда в их деятельности в качестве незримой сверхцели присутствует человечество, выступающее в лице каждого из его представителей. Потребность эту можно было бы назвать потребностью в человечности» [3, с. 145].

Как уже было замечено, филогенетически поворот к человеку начинался с *ухода внутрь*, в «самость», иначе говоря – с интериоризации схем внешне-предметной коллективной деятельности. Но откуда берётся сама способность к интериоризации?

Не искать же ее, в самом деле, в особом устройстве мозга... Выдающийся русский философ, соратник и единомышленник Эвальда Васильевича Ильенкова Ф.Т. Михайлов начало человека непосредственно связывает с феноменом «обращений»: «Нерасчленимый атом духовно-практического бытия людей – это не что иное, как сохраняющее и изменяющее их жизнь обращение друг к другу и к себе самим. Субъективно целеустремлённое обращение к субъективности друг друга» [10, с. 79]. Именно в таких обращениях происходит «акт рождения в человеке осознаваемого объективного мира, а главное – это акт рождения реально-идеальной сути его тождества со своим родом – с человечеством» [10, с. 80]. Именно в сплошности подобных обращений и зарождается способность «ухода внутрь», *впускания в себя других*, рода, человечества. Кстати, способность к подобному «впусканию вовнутрь», принятию, и есть, собственно, *душа, душевность*. Михайловское «обращение» глубже просто отношения, связи, взаимодействия, ведь оно идёт из самой субъективности – к субъективности другого: «...возникновению и развитию духовной сущности своей психики каждый индивид Homo sapiens обязан лишь своему *собственному субъективному устремлению*... к полному сроднению с субъективностью других людей. И прежде всего – с эмоциональными переживаниями каждым из них своей *способности суждения* о...совместно творимом их общем будущем» [8, с. 67]. А посему: «Порождающим и сохраняющим человека отношением было, есть и навсегда останется отношение к субъективности других людей, ищущее *со-чувствия, со-мыслия (со-знания) и со-гласия в со-действии с ними*, формирующее мотивацию их и его поведения, способное обеспечить *расширенное воспроизводство* средств к жизни и главных его условий: самоорганизующейся общности людей, креативной и когнитивной духовной и духовно-практической его продуктивности» [9, с. 500].

Вот почему человечность как таковая лежит в *основании* человеческого способа бытия. Человечность *порождает* человека и собственно человеческое в человеке. Это, так сказать, «человечность-в-себе», в состоянии «в-себе-бытия». И вот в *истории* на пути развертывания этого «в-себе» в состояние «для-себя» (в собственно развитую форму) вследствие отчуждения человек *теряет самого себя*, теряет человечность как реальный способ построения субъектных связей, как способ мироотношения. Человеческое овещняется, субъект-объектные связи подавляют и вытесняют на периферию субъект-субъектные. Однако за разнообразными вещными, корыстными, полезностными проявлениями жизни, за теми или иными сугубо вещными потребностями кроется *потребность в другом человеке*. Ведь, как писал К. Маркс, «мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов*, под видом отчуждения, *опредмеченные сущностные силы* человека» [7, с. 123]. И даже в изуродованной вещной форме мы испытываем нужду именно в *опредмеченных сущностных силах* человека, а не просто в полезных внешних вещах. Здесь человеческое – лишь средство, и это

бесчеловечно, что всего лишь средство, – но оно все-таки присутствует. Скрыто, латентно, в эмплиците. Значит, расчеловечивание предстаёт лишь формой (сугубо превращённой) проявления (и, как ни парадоксально, развития) человеческого. Бесчеловечность как таковая возможна лишь как порча человечности, её уродование, усекновение, неразвитость. Человечность таки лежит в основании человека.

Неотчуждённая, бескорыстная потребность в другом человеке (как в человеке, а не средстве) способна развернуться как, собственно, *человечность* в состоянии «для-себя-бытия», в развитой форме лишь через преодоление самоутраты. При этом следует помнить, что «человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [7, с. 121].

Конечно же, современному либерально-обывательскому сознанию претит сопряжение «*человеческого*» и «*общественного*»: кто ж ему виноват, что общественное берётся лишь как «социальное», «чужое», «ничьё», как «всемство» (Ф.М. Достоевский)... Можно вслушаться в умные размышления В.В. Библихина: «В том, что Гегель называет интимной собственностью духа, собственность в конечном счете уходит в такую себя, о которой бессмысленно спрашивать, чья она. Она *своя*. В самом деле, что в личности кроме ограниченности, дурных привычек, скрытости, личин, из которых часто состоит вся ее индивидуальность, принадлежит ей, а не человечеству как роду. Утаиваемые слабости, так тревожащие личность, по сути, присущи всем и все их одинаково скрывают. Наоборот, всего реже случается и по-настоящему уникально то, что составляет *суть каждого* и чего обычно не наблюдаешь в полноте, *родное и родовое*. Не вмещаясь ни в ком отдельно, оно желанно каждому, кто хочет *быть собой*, и достижимо только в меру превращения человека в человека. Стань наконец человеком, говорю я себе то, что говорят миллиарды, и одновременно совершенно конкретное и неповторимое, не потому что я особенный человек и возвращаю в себе какую-то небывалую человечность, а как раз наоборот, потому что *самое общее* (Гераклит), в котором я спасен и укрыт, и *есть настоящее я* (курсив мой. – В.В.)» [2, с. 380].

Становиться, наконец, человеком – не быть озабоченным своей «идентичностью», а становиться непрестанно и неизбежно действительностью своей сущности как ансамбля всех общественных отношений¹ (по Ф.Т. Михайлову – «обращений»). Степень развитости этого ансамбля, мера его субъектной полноты – как раз и есть то, что Ф.М. Достоевский называет «*сильно развитой личностью*»: «Сильно

¹ Сия Марксова формула вызывает раздражение (от непонимания и не-до-разумения) у многих. Беда же в том, что, по Гегелю, сущность **любого нечто** есть совокупность (ансамбль) его многообразных связей в составе конкретного целого, которая только и делает это нечто им самим. При чем же тут, собственно, Маркс? Читайте Гегеля. Правда, и Маркса желательно – тоже. В наше безблагодатное времечко не читать Гегеля (тем более - Маркса) – **не стыдно**.

развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеет за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, т.е. никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека. Но тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который, если попадет под машину, то все разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды...» [цит. по: 11, с. 87-88]. А ежели вклинивается подобный расчет, то сразу же индивид, несущий в себе силу своего рода как силу всеобщего, всеобщую силу и мощь (общую для всех) *обращает против всех*, а значит – против ближнего и за счет ближнего (на то и расчет, чтобы за счет). Индивид несет в себе *не свое*, владеет и распоряжается как своим *не своим*, *не им* сотворенным – сознанием, языком, мышлением, его категориальным строем, который репрезентирует своей априорностью и аподиктичностью (по отношению к индивиду) не только силу и мощь общественно-культурного, родового, но и самого универсального бытия. Совершая гадости, индивид эту мощь обращает на других людей. Вот отчего зло не только живуче, но и обладает колоссальной энергией. Только энергетика эта – *краденая*, не своя.

Человек имеет сознание и не ведает, что это со-знание, совместное знание, сила рода человеческого, его истории. Человек испытывает разнообразные потребности, и не ведает, что за этим скрывается *глубинная потребность в человеке*, в другом человеке. Человек порой испытывает потребность в другом человеке – лишь как средстве, и не ведает, что за этим скрывается, спрятавшись, не обнаруживая себя, – его *собственная потребность в человечности*...

Сохранять свое бытие в режиме человечности – значит становиться «чистым присутствием» (в понимании М. Хайдеггера), иными словами – отодвинуться, *отойти от собственной поверхности* и начинать жить в своей сущности, существенности. «Существо человека, – отмечает В.В. Бибихин, – присутствие, бытие-вот. Это вовсе не значит, что бытие у меня в кармане и оно мне обеспечено всякий раз, когда я мыслю: мыслю – следовательно, существую. Это значит только, что для меня речь идет о бытии. То, что мое существо – присутствие, вовсе не обеспечивает мне что бы то ни было. Наоборот, это лишает меня надежды обеспечить себя при помощи вещей. Я могу нагромождать вещи в моем обладании, материальные или духовные, и, скажем, наполнять ими мир. Все это могут оказаться ненужные вещи. Дело для меня идет не о вещах, пусть даже самых утонченных вещах культуры. То, что мое существо – присутствие, означает, что я могу осуществиться только тогда, когда бытие требует меня. *Есть* я или я ничто – кто бы мне это ни объяснял, последнее слово за мной, и не то слово, которым я захочу кого-то или самого себя убедить, а то «да» или то «нет», которые говорит мне не мое сознание, а моя совесть, – неслышное никому мое «да» и «нет» бытию и небытию как

тому, с чем я всегда прежде всего и главным образом имею дело» [1, с. 70]. С.С. Хоружий вспоминает, что в последнем разговоре перед смертью В.В. Библихин говорил ему: мне необходим мир, мне необходимо быть миром, чтобы не предать Бога, держаться тем, через что мог бы сказаться Бог [13, с. 113]. Иными словами, человечность находится решительно по ту сторону самоутверждения, утверждения себя, *своего*. Воистину – «Свести себя на нет, / чтоб вызвать за стеною / не тень мою, а свет, / не заслоненный мною» (Белла Ахмадулина). Не заслонять ни собою, ни своею тенью свет. А если и светить – то благородно и благодарно *отражённым* светом (светом бытия, в том числе – вернее, в первую очередь – человечества во мне) и ни в коем случае *не претендовать* быть источником света, «светочем разума»... Вот почему в максиме: «Пусть будет воля Твоя, не моя» – содержится *высшая человечность*. И это – чистая отнология, ибо соответствует истинному способу построения и осуществления всеединого бытия..

Зачастую человечность отождествляют с *гуманизмом*, с гуманным отношением к человеку. На мой взгляд, здесь необходимо различать, – так, как это делает В.А. Малахов: «Быть человеческим – это не означает быть гуманистом. Для гуманиста человек, как известно, это высшая ценность, это царь вселенной, это нечто высокое и самодовлеющее. Гуманизм выражается во фразе: «Человек – это звучит гордо». Когда я говорю, что человек – это звучит гордо, я тем самым возвеличиваю и себя как принадлежащего к людям, к человечеству. А вот человечность проявляется совсем иначе. Не самоутверждение, а самоотдача. Я дарю себя своим ближним, я дарю себя, свое время, свое внимание, свою заботу, в конце концов, свою жизнь, и душу свою дарю своим ближним, и тогда я поступаю по-человечески, тогда проявляется человечность. То есть человечность связана с жертвенностью, мы не можем быть человеческими, не стремясь быть бескорыстными и щедрыми [6]. И это, на мой взгляд, уже не просто этика, а онтология.

В.А. Малахов призывает отстаивать климат человечности, заботиться в нынешнем мире об уязвимых сокровищах человечности, лелеять в себе стойкое и терпеливое мужество доброты, смиренную готовность идти против господствующего течения времени, противостоять прагматическим устремлениям эпохи.

Искать основания человечности вне и помимо по-человечески значимого и осмысленного *общего дела* – пустое занятие. Всей своей жизнью, самой своей субъектностью, душой, духом и телом мы *уже вплетены* в ткань общего дела. Вопрос только в одном: что это за дело, в чём его суть, насколько *дельно* и *существенно* оно. Насколько – *человечно*.

Охранять и утверждать *человечность* – означает решительно выйти из ситуации само-утверждения, утверждения себя и своего и войти в свет ситуации бережения и утверждения целостности и истины бытия. Особое же доказательство, что *истина бытия* – это

Другой как воплощённое, конкретизированное (сращённое) человечество, всеединство, взятое в качестве *одного* и неделимого (ин-дивидуального) – может стать темой особого размышления.

Использованная литература

1. *Бибихин В.В.* Внутренняя форма слова / В.В. Бибихин. – СПб. : Наука, 2008. – 420 с. – (Слово о сущем).
2. *Бибихин В.В.* Другое начало / В.В. Бибихин. – СПб. : Наука, 2003. – 430 с. – (Слово о сущем).
3. *Гусейнов А.А.* Мораль / А.А. Гусейнов // Общественное сознание и его формы. – М. : Политиздат, 1986. – С. 144-202.
4. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность – познание – искусство / В.П. Иванов. – К. : Наукова думка, 1977. – 241 с.
5. *Кузанский Николай.* Об учёном незнании / Николай Кузанский ; [пер. с лат. В.В. Бибихин] // Сочинения : в 2 т. / Николай Кузанский. – М. : Мысль, 1979. – Т. 1. – С. 47-184. – (Философское наследие).
6. *Малахов В.А.* О некоторых особенностях христианского нравственного воспитания в секуляризованном мире [Электронный ресурс] / В.А. Малахов. – Режим доступа : <http://ortodossa-ambrogio.org/ru/ach20096/index.html>.
7. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К.Маркса // Сочинения. Изд. 2 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1974. – С. 41-174.
8. *Михайлов Ф.Т.* Фантазия – главная сила души человека / Ф.Т. Михайлов // Избранное / Ф.Т. Михайлов. – М. : Индрик, 2001. – С. 64-109.
9. *Михайлов Ф.Т.* Философия образования : ее возможности и перспективы / Ф.Т. Михайлов // Избранное / Ф.Т. Михайлов. – М. : Индрик, 2001. – С. 452-512.
10. *Михайлов Ф.Т.* Э.В. Ильенков : Диалектика как логика / Ф.Т. Михайлов // Ильенковские чтения. Тезисы выступлений. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Микрон-принт, 2001. – С. 73-81.
11. *Померанц Г.С.* Открытость бездне : Встречи с Достоевским / Г.С. Померанц. – М. : Советский писатель, 1990. – 384 с.
12. *Соловьев В.С.* Красота в природе / В.С. Соловьев // Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьев. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 351-389. – (Философское наследие).
13. *Хоружий С.С.* Памяти В.В. Бибихина / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 2005. - № 4. – С. 112-113.
14. *Хоружий С.С.* Идея всеединства от Гераклита до Бахтина / С.С. Хоружий // Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб. : Алетейя, 1994. – Режим доступа : <http://www.synergia-isa.ru/lib/lib.htm#H>.

Статья поступила в редакцию 26.08.2014 г.